

VI. ОБЫДЕННЫЕ КОНЦЕПТЫ И НАУЧНЫЕ ПОНЯТИЯ. ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

*П.С. Дронов (Москва, Россия)
Институт языкознания РАН
nord.dronov@gmail.com*

«ГРАММАТИКА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ»: ИСТОРИЯ ТЕРМИНА И ГРАНИЦЫ ПРИМЕНИМОСТИ¹

Данная статья посвящена термину «грамматика фразеологизмов», истории его возникновения и особенностям употребления. Рассматриваются ограничения, налагаемые на грамматическую парадигму идиомы, а также ставится вопрос о границах применимости этого термина. Делается вывод об отсутствии у грамматических парадигм фразеологизмов каких-либо ингерентных особенностей, то есть о том, что грамматики идиом нет вне грамматического строя конкретного языка.

Ключевые слова: фразеология, лингвистическая терминология, «грамматика фразеологизмов», «принцип оригами» в лексико-грамматических изменениях идиом, модификации идиом.

Изучая употребление фразеологических единиц, нельзя не остановиться на их лексико-грамматических особенностях. Во фразеологической литературе мы можем встретить термин «грамматика идиом» [Langlotz 2006: 227], или «грамматика фразеологизмов». См., например: «<...> Есть “грамматика фразеологизмов”, которая частично должна быть отражена в академической грамматике, а частично фиксироваться в словаре» [Баранов, Добровольский 2016: 47]. Ф. Хаусхоульдер-младший, первым предложивший этот термин, рассматривал грамматику идиом как изучение «лингвистических примитивов»

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00335А в Институте языкознания РАН.

(linguistic primes) – компонентов устойчивых сочетаний и сложных слов, требующих комментария в словаре: *di-* в *diverse* ‘разнообразный’, *fro* в *to and fro* ‘туда-сюда’ и т.д. [Householder 1959]. Видимо, подобное объединение композитов, идиом, коллокаций вызвано особенностями английского языка – прежде всего тем, что компоненты многих сложных слов пишутся раздельно: *back teeth* ‘коренные зубы’. Термины *idioms*, *set phrases* ‘устойчивые сочетания’, *collocations* ‘коллокации, словосочетания’ (последний широко распространен в Британии благодаря работам Дж.Р. Фёрта [Firth 1957]) в англо-американской традиции часто употреблялись как синонимы. Встречается также термин *true idioms* ‘истинная идиома’; в работах на русском языке он впервые появляется у В.З. Демьянкова [Демьянков 1994: 132].

Идея «грамматики идиом» подкреплена очевидными точками пересечения между теорией фразеологии и грамматикой конструкций (СхG) – точками пересечения столь многочисленными, что может возникнуть мысль о том, что эти два направления суть одно и то же [Добровольский 2016: 7]. Такое предположение нельзя считать верным, поскольку фразеология является частью лексикологии, а СхG – синтаксической теорией; впрочем, объект исследования фразеологии естественным образом занимает промежуточное положение между словарем и грамматикой, пусть и с постулатом об отрицании четкой границы между грамматикой и словарем. Подробный разбор точек пересечения между этими теориями представлен в: [Добровольский 2016].

Очевидно, что поведение фразеологизмов зависит во многом от их синтаксической структуры. Традиционно выделяют идиомы со структурой словосочетания, или фразеологические единицы – словосочетания; они могут состоять из одной именной группы типа *белая ворона* или иметь структуру ИГ + ПГ (именная группа и предложная группа), ГГ + ИГ, ГГ + ПГ, ИГ + ГГ: рус. *семь пядей во лбу*, *дать кому-л. зеленый свет*, *стрелять из пушки по воробьям*, англ. *a cross to bear* ‘трудноразрешимые проблемы, с которыми человек вынужден жить’, букв. «крест, чтобы [его] нести». Помимо них, выделяют идиомы со структурой предложения, или ФЕ-предложения, например: рус. *ему палец в рот не клади*, *и дело с концом*, сербск. *и мирна Босна/Бачка* ‘и проблема будет решена’, букв. «и мирная Босния/Бачка [пограничная область Сербии]». Разумеется, идиомы со структурой ИГ (а также ИГ+ПГ, ИГ+ИГ), как правило, допускают использование глагола и на практике оказываются идиомами типа ГГ + ИГ: (иметь) *семь пядей во лбу*, (нести) [тяжкий] *крест*, англ. (to have) *a cross to bear*.

В.П. Жуков, используя принцип аппликации, то есть наложения на эквивалентное свободное словосочетание, делит фразеологизмы, имеющие лексические варианты, на три группы. В первую он объединяет «фразеологизмы, которые могут быть противопоставлены свободным словосочетаниям такого же лексического состава» [Жуков 1986: 169]; иначе говоря, в некоторых случаях мы можем говорить о существовании идиом и омонимичных им свободных сочетаний (*взваливать на плечи – положить на плечи, играть в прятки – играть в жмурки* и т.д.). В них варьируют и глагольные, и именные компоненты, и предложные группы, и атрибуты (*детский лепет – младенческий лепет, восходящая звезда – восходящее светило*). Вторая группа состоит из неаплицируемых (неналагаемых) фразеологизмов, в составе которых один из компонентов является смыслообразующим (*без дальних слов – без лишних слов, на короткой ноге – на дружеской ноге*). Третья группа состоит из неаплицируемых фразеологизмов, все компоненты которых являются смыслообразующими, причем здесь варьирование проявляется сильнее, чем в предыдущих группах: *вылетать / выскакивать из головы / памяти / ума* [Там же: 170].

Понятие грамматической парадигмы ФЕ-словосочетания основано на тезисе В.В. Виноградова: «Конструктивные свойства словосочетания чаще всего определяются морфологическим строем его господствующего, стержневого слова. Словосочетанию так же, как и слову, принадлежит способность формоизменения, то есть оно обладает системой форм» [Виноградов 1954: 4]. Форма ФЕ-словосочетания определяется формой его грамматически господствующего слова, например, при структуре ГГ + ПГ или ГГ + ИГ: *стреляю из пушки по воробьям, дали бы зеленый свет*; при структуре ИГ: *тяжким крестом*. Парадигма ФЕ-словосочетания набирается из форм этого словосочетания. Ср. также парадигмы ФЕ, рассмотренные Е.И. Дибровой [Диброва 1979].

Как не всегда можно разделить слово и словосочетание, так не всегда возможно проведение границы между сложным словом и устойчивым словосочетанием. Особенно это очевидно в изолирующих (ср. вьет. *quần áo* ‘одежда’, букв. «брюки + куртка»), *trả lời* ‘отвечать’ («возвращать + слово») [Солнцев 1995: 170, 171] и инкорпорирующих языках (т.н. биномы в языке науатль: *topca petlalcalco* ‘тайна’, букв. «в корзине, в сундуке») [Федорова 2015: 132]. Заметим, что это характерно и для композитов, как эндоцентрических, так и экзоцентрических. Здесь мы не можем не привести параллели с традиционной классификацией идиом по В.В. Виноградову, основанной на прозрачности /

непрозрачности внутренней формы (фразеологические сращения vs. фразеологические единства). Очевидно, что в экзоцентрических композитах идиоматичность выше, чем в эндоцентрических.

На фразеологизмы накладываются известные грамматические ограничения: «В лексиконе хранятся выражения, элементы которых обладают непредсказуемой сочетаемостью: фразеологизмы, истинные идиомы и т.п. Ср. выражения типа *высокое начальство* – не *крупное начальство* – в отличие от *крупного военачальника* и *крупного рогатого скота*, при неправильном *высоком рогатом скоте*» [Демьянков 1994: 132]. Указывая на эти ограничения, У. Чейф приходит к выводу о том, что идиоматичность является аномалией с точки зрения генеративной грамматики: нельзя говорить о том, что у идиомы *to kick the bucket* и словосочетания *the bucket was kicked* (в пассивном залоге) общая глубинная структура, поскольку второе словосочетание может быть только свободным и не может быть понято идиоматически. Ср. английский анекдот, построенный на двойной актуализации этой идиомы: *Do you know the last thing my grandpa said to me before he kicked the bucket? He said, "Mark, how far do you think I can kick this bucket?"* («Знаете, что сказал мне мой дед перед тем, как умер [пнул ведро]? Он сказал: "Марк, если я пну это ведро, насколько далеко оно полетит?"»). У. Чейф считает идиоматичность следствием постсемантических процессов, происходящих при построении высказывания. При этом постсемантика сопоставляется с поверхностной структурой Н. Хомского, а глубинная структура локализуется на уровне между семантикой и постсемантикой [Chafe 1968: 111-112, 120-121]. Часто делались предположения о том, что идиомы могут формировать непосредственные составляющие на каком-либо неповерхностном уровне представления, например, они являются семантическими единицами (ср. [Chafe 1970: 49]) или единицами глубинной структуры [McCawley 1988: 66] или логической формы [Chomsky 1993: 39]. В своей знаменитой статье У. О'Грейди [O'Grady 1998] оспаривает эту точку зрения. Рассматривая различные ограничения, налагаемые на идиомы (в частности, на их сочетаемость и выбор компонента, фиксированный или не фиксированный порядок слов), он приходит к выводу о том, что идиомы не обязательно формируют непосредственные составляющие. Стремясь объяснить принцип организации идиом, он начинает использовать новую синтаксическую и морфологическую единицу – «цепь» (chain); позднее, во избежание путаницы с понятием цепи в минимали-

стской программе Хомского, исследователи начали использовать термин «катена» (catena) [Groß, Osborne 2013].

Е.С. Кубрякова и В.А. Гуреев отмечают: «Синтаксическое поведение слова – это проявление его семантики, это причина его появления в определенном месте формирующегося в дискурсе высказывания, это предпосылка его использования; синтаксис демонстрирует последствия того, что в преддверии речи, в актах ее порождения, выбранная человеком единица номинации уже не существует в неспецифицированном виде, она уже не аморфна, а, наоборот, точно осмыслена в категориально-концептуальном плане. Слово поступает в распоряжение синтаксиса, будучи категориально определенным, т.е. появляясь как обозначение либо предмета, либо процесса, либо признака, либо ориентира и т.п.» [Кубрякова, Гуреев 2002: 34-35]. Это верно не только в отношении синтаксического поведения слова в свободном сочетании или в клаузе, но и в отношении компонентов фразеологизма.

Как пишет А. Ланглотц, при построении «грамматики идиом» о построении грамматики идиом необходимо учитывать следующие аспекты лексических и грамматических изменений:

- 1) варьирование внутри именных групп идиом: вариации артикля, числа, ввод определения (предмодификации – ввод прилагательных, причастий и существительных в структуру идиомы; постмодификации – присоединение предложных групп и придаточных определительных);
- 2) трансформации на уровне словосочетаний;
- 3) общая лексическая гибкость в виде лексической субституции.

Если изменения типов (1) и (2), по-видимому, детерминированы изоморфизмом, то тип (3), предположительно, должен иллюстрировать стимуляцию лексической гибкости внутренней формой идиомы [Langlotz 2006: 227].

В целом, практика и анализ материала показывают, что лексико-грамматические изменения не выходят за пределы грамматики языка. Даже в тех случаях, когда в словаре говорится о фиксированности порядка слов, на самом деле можно говорить о наличии грамматической парадигмы; ср.: *разул глаза!* и возможность употребления в придаточных: *он сказал, чтобы я разул глаза.*

У идиомы есть некий шаблон или образ, позволяющий ее, с одной стороны, модифицировать, а с другой стороны, – узнавать после этих модификаций. Так, например, идиома остается узнаваемой при сужении компонентного состава до одной лишь именной группы (или имени), глагольной группы (или глагола): рус. *класть зубы на полку* > *зубы*

на полке; англ. *hit the hay* ‘лечь спать’ (букв. «удариться о сено») > *hit it, jump on the bandwagon* ‘примкнуть к массовому движению’ («запрыгнуть на платформу с оркестром») > *bandwagon*. Ср.:

1. *Technology and school reform are two high-profile educational bandwagons that promise to improve education in the United States.* («Технологии и образовательная реформа – это две широко обсуждаемых образовательных “платформы с оркестром” (1994; ACAD; ArtsEduc; COCA).

Назовем данное явление «принципом оригами» по аналогии с известными фигурками из бумаги: несмотря на возможные изменения формы оригами, ее можно угадать и восстановить.

В качестве иллюстрации рассмотрим употребление некоторых идиом с близким компонентным составом и актуальным значением. Начнем с рус. *греть душу* (кому-л./чью-л.) ‘делать кого-л. радостным и умиротворенным, что описывается как *воздействие тепла на воображаемый внутренний орган человека, являющийсяместилищем чувств*’ [АСРФ]. С помощью курсива в дефиниции [АСРФ] вводится так называемый оператор внутренней формы. Субъектом (*X греет душу*) являются, как правило, предметы или явления, воздействующие на экспериментера.

В Национальном корпусе русского языка [НКРЯ] идиома *греть душу* представлена в 212 вхождениях, из них 99 в основном корпусе и 113 – в газетном. Пример из газетного корпуса представлен в (2).

2. *Ведь даже неверующему человеку греет душу сознание, что кто-то ежедневно молится о нем, желает добра* (Я. Танькова. Как я уходила в монастырь... // Комсомольская правда, 2002.10.30; НКРЯ).

Часто встречается инверсия: *душу греет* имеет 21 случай употребления. Любопытно, что в двух случаях *душу греет* понимается как ‘согревать туловище’ (иначе говоря, происходит метонимический перенос: место локализации невидимого органа понимается как сам этот орган; отсюда и *душегрея*). Надо отметить, что инверсия, как правило, используется для эмпазы, ср.: *ловить балду* vs. *Давно я такой балды не ловил*. Идиома допускает замену именного компонента с незначительным изменением метафоры: *греть сердце* (37 вхождений в основном корпусе, 20 – в газетном) / *согревать сердце* (78 и 17 вхождений соответственно). Здесь вместо воображаемого органа человека тепло воздействует на орган реальный, но воспринимаемый как местилище чувств. Более того, возможно совместное употребление компонентов: *греть сердце и душу*. У идиомы имеется еще одна валентность: (*чем*),

например: *и весь день в памяти его звенели слова это женщины, грея сердце тихой радостью* (Максим Горький. Жизнь ненужного человека (1908); НКРЯ).

В одном примере из НКРЯ зафиксировано превращение идиомы в композит *душегреющий*: *чтобы вновь вернуться к тем же душегреющим спасительным иллюзиям, что питали мы все* (Евгений Шкловский. В промежутке (1990-1996); НКРЯ).

Сравним употребление данной идиомы в других языках: англ. *to warm sb's heart, to warm the cockles of sb's heart* (букв. «согреть раковины чьего-л. сердца»); нем. *jmds. Herz erwärmen*; ирл. *chuirfeadh sé na smóilíní ag scimpireacht i do chroí* («это заставит / заставило бы угольки в твоём сердце ярко гореть»). Широко распространено превращение в композит («отфразему» по А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко): *heart-warming, herzerwärmend*. Можно предположить появление фразеологического деривата *cockle-warming*. Хотя в корпусах он не зафиксирован, поиск в “Google” показывает 12200 результатов, ср.:

3. *So don't despair at biting winter winds and dark days; cuddle up with a big cockle-warming red in front of the fire, and winter will not seem so bad.* («Поэтому не расстраивайтесь из-за кусающихся зимних ветров, закутайтесь в одеяло у камина с “большим ракушкосогревающим красным”, и зима покажется не такой уж плохой»). (The Times: Cockle-Warming Reds, November 8, 2003; Публицистика Интернета).

Ср. также *приходить в голову (кому-л.)* и ее конверсивную пару *вылетать/вылететь из головы* (фразеологические интернационализмы, имеющие аналоги во всех перечисленных выше языках, например, ирл. *thainig sé i mo cheann* ‘это пришло в мою голову’ – *chaith sé as mo cheann é* ‘это потерялось из моей головы’). Обе эти идиомы, основанные на метафорической модели ЭКСПЕРИЕНЦЕР КАК КОНТЕЙНЕР (соответственно, появление мыслей в сознании понимается как движение внутрь контейнера, а исчезновение мыслей как движение наружу), допускают весьма широкие лексико-грамматические изменения, ср. *вылетать* vs. *вылететь* (с преобладанием совершенного вида в [НКРЯ]: в основном корпусе число контекстов совершенного и несовершенного вида равно 168 и 19, а в газетном – 32 и 7, соответственно), *у кого-л. из головы* vs. *вылетать из чьей-л. головы* (как правило, с притяжательными прилагательными: *вылетало из Марусиной головы, вылетело из великокняжеской головы*).

Несмотря на различную частотность, обусловленную, в том числе, размером слов и различной степенью их маркированности в разных

языках, мы можем отметить наличие соответствующих фразеологических парадигм и отсутствие у них черт, изначально присущих только фразеологизмам.

Универсальным в лексико-грамматических изменениях идиом является отсутствие некой самостоятельной «грамматики идиом» в чистом виде, поскольку словоизменительные парадигмы соответствуют грамматике конкретного языка. В этом смысле красноречивым представляется часто встречающееся метакоммуникативное употребление данного термина в кавычках.

Литература

АСРФ – Баранов А.Н., Вознесенская М.М., Добровольский Д.О., Киселева К.Л., Козеренко А.Д. Академический словарь русской фразеологии. 2-е изд., испр. и доп. М.: Лексрус, 2015.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Академическая грамматика через призму фразеологии // Русский язык за рубежом. 2016. № 3. С. 46-50.

Виноградов В.В. Вопросы изучения словосочетаний (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1954. № 3. С. 3-24.

Демьянков В.З. Морфологическая интерпретация текста и ее моделирование. М.: Изд-во МГУ, 1994.

Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке Р. н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1979.

Добровольский Д.О. Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 7-21.

Жуков В.П. Русская фразеология: учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высшая школа, 1986.

Кубрякова Е.С., Гуреев В.А. Конверсия в современном английском языке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 2. С. 33-38.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/>

Солнцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.

Федорова Л.Л. История и теория письма: уч. пособие. М.: Наука, 2015.

Chafe W. Idiomaticity as an Anomaly in the Chomskyan Paradigm // Foundations of Language. Vol. 4. No. 2 (May, 1968). P. 109-127.

Chafe W. Meaning and the Structure of Language. Chicago: University of Chicago Press, 1970.

Chomsky N. A minimalist program for linguistic theory // Hale K.L., Keyser S.J. (eds.). The view from Building 20: Essays in linguistics in honor of Sylvain Bromberger. Cambridge, Massachusetts: MIT Press 1993. P. 1-52.

Firth J.R. Papers in Linguistics. 1934-1951. London, N.Y.: Oxford Univ. Press, 1957.

Groß T., Osborne T. Katena und Konstruktion: Ein Vorschlag zu einer dependenziellen Konstruktionsgrammatik // Zeitschrift für Sprachwissenschaft 32, 1.

Householder F.W., Jr. On linguistic primes // Word. 1959. No 15. P. 231-239.

Langlotz A. Idiomatic creativity. A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2006.

McCawley J. The Syntactic Phenomena of English. Chicago: University of Chicago Press, 1988.

O'Grady, W. The Syntax of Idioms // Natural Language and Linguistic Theory 1998. No 16. P. 279-312.

P.S. Dronov (*Moscow, Russia*)

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

“IDIOM GRAMMAR”: THE HISTORY OF THE TERM AND THE BORDERS OF ITS APPLICABILITY

The paper deals with the term “idiom grammar”, its history and use. Discussing the limits of grammatical paradigms set upon idioms, the paper raises the question of the term’s applicability. The author concludes that grammatical paradigms of idioms do not seem to have any inherent traits different from those of other phrases, which means that there is no idiom grammar that is not within boundaries of language’s grammar.

Key words: phraseology, terminology of linguistics, “idiom grammar”, “the origami principle” in lexico-grammatical alternations of idiom, idiom modifications.